

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2008. № 5

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2008

О. М. Младенова

ЭТНОНИМИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ*

The author explores in this article the relationship between speakers' type of ethnic identity and their use of ethnic terms in speech. The article consists of four parts. It starts by proposing a hierarchical model of identities in a multicultural society that accounts for the variation of identities actually existing in Russia. The model introduces two basic types of identity: simple and nesting. It is shown that ethnic-term use may vary in samples produced by holders of different type of identity in terms of quantity and quality. In order to set the foundation for a more substantive qualitative analysis, in section two the author briefly describes the semantic, functional and structural characteristics of the domain of ethnic terms. Section three is devoted to the interpretation of ethnic terms in speech from the vantage point of communicative grammar and the theory of reference and nomination. Here the author co-relates specific paradigmatic and syntagmatic characteristics of ethnic terms with the different types of ethnic identity. Section four tests the proposals made on theoretical grounds by a statistic analysis of texts written by two holders of a simple and a nesting identity, respectively.

Целью настоящей работы является установление взаимосвязи между типом национального самосознания говорящего и употреблением им этнонимов в речи, а также анализ характера этой взаимосвязи. Мы начнем с описания предлагаемой модели национального самосознания (1), кратко обсудим особенности семантического поля этнонимии (2), затем рассмотрим, как с точки зрения коммуникативной грамматики и общей теории референции и номинации единицы семантического

* Работа выполнена при поддержке гранта Канадского фонда для исследований в области общественных и гуманитарных наук (SSHRC) и является частью темы «Shared Mental Representations and Language Patterns: Research Strategies and Empirical Studies».

поля этнонимии (ЕСПЭ) используются в речи и какие парадигматические и синтагматические характеристики ЕСПЭ должны согласовываться с разными типами национального самосознания (3). Наконец, мы проверим состоятельность теоретически обусловленных предположений статистическим анализом текстов, созданных носителями противоположных типов самосознания (4).

1. В советское время существовало два основных типа национального самосознания, унаследованных от имперского периода: простое и сложное, последнее по другой терминологии *nesting ethnic identity* – самосознание, устроенное по принципу матрешки [см.: Федотов, 1967, 281–295; Стреляный, 1992, 187–193; Cohen, 1978]. Для русских сложное национальное самосознание могло состоять из четырех слоев: человек был одновременно гражданином СССР и – скажем – РСФСР, славянином и, наконец, собственно русским. В каждом слое круг «своих» у него был особый: любые советские граждане или россияне¹, славяне внутри СССР и за его пределами², другие русские люди, живущие в СССР или эмигрировавшие за границу³. Напротив, однослойное простое самосознание считает русского русским, а армянина – армянином⁴. Иными словами, сложное национальное самосознание является проводником объединения, так как делает личность локусом сосуществования различных самоощущений (человек одновременно является и советским гражданином, и славянином, и рус-

¹ Ср.: «Распад нашей Империи стал главным событием прошедшего тысячелетия. Беловежская пуша нарушила не только границы пространства, но и временные категории. В провалы Карабаха проникло время варварства, времена феодализма вылезают из иных щелей. Мы живем, если живем, в смешавшемся времени. Чтобы поехать к другу в Киев, нужна виза. Но поэты живут не в пространстве – в общей стране страдания. Светлана Аллилуева писала, что я мечтаю о кочевой столице поэтов. Это не совсем точно. Но пока никто не может вырвать меня из пространства или времени Мариса Чаклайса, Ивана Драча, Лало Гудиашвили. Это не имперское мышление, а сущное» [Вознесенский, 1998, 257].

² Ср.: «Чуткий Иван Тургенев обозначит героя того времени – болгарин Дмитрий Инсаров (роман «Накануне»). «Люблю ли я Родину? Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после Бога?» В уста русского Базарова патриотизм такой закваски вложить трудно – слишком силен пафос. Тогда, как, впрочем, и сегодня, это немодно. Мы стыдились любить Россию публично – весь пламенный патриотизм выплеснулся на Болгарию. Общественное мнение это допускало» [Федотова 1998].

³ Ср.: «Владимир Владимирович – потомок русских эмигрантов. Не хотелось бы называть его по имени-отчеству. Владимир Владимирович – это величественно, как собор. Он был явный Володя с округлыми движениями и словами. Он строил свою речь из пространственных предложений, что в наше время выглядело старомодно и искусственно. Он говорил не на нашем русском языке, он говорил на эмигрантском языке. Свой, но не наш, как выражалась одна моя хорошая знакомая» [Сапгир, 1999, 114–115].

⁴ Ср.: «Тот же Владимир Аронович выставил мне итоговую тройку (в седьмом или в восьмом классе. не помню) лишь после того, как к нему пришли депутацией наши отличники – Портер, Рабинович и Френкель – и сказали: как вам, аиду, не стыдно губить другого аида. «Топоров не аид, – гневно встрепенулся Владимир Аронович. – Я смотрел запись в журнале. Он русский!» – «А вы не в журнал, вы на него самого посмотрите», – вразумили отличники, и искомая тройка была выставлена» [Топоров, 1999, 49–50].

ским), а простое национальное самосознание разделительно, поскольку проводит границы между людьми (человек или является русским, или им не является). Различия между этими двумя типами возникают за счет различной иерархии составляющих: при сложном самосознании национальность занимает подчиненное положение по отношению к гражданству и языку, а при простом она является такой же характеристикой человека, как гражданство, пол, профессия, возраст и т. д., причем в идеальном случае самоидентификация по национальности не отличается от самоидентификации по языку. Если в советское время государство поощряло сложное самосознание, то независимые постсоветские государства (за исключением многонациональной России) в основном поддерживают простое самосознание титулярного народа. При этом сложное самосознание не является чертой одних только русских¹ и не эквивалентно так называемому имперскому сознанию, с которым оно имеет некоторые общие черты.

Рассмотрим примеры простого и сложного самосознания. Критерием в обоих случаях служит граница между «своими» и «чужими». В конце 1980-х гг. во время одного из модных тогда телемостов московская ведущая разговаривала с десятилетней грузинской девочкой, от которой ей никак не удалось получить «правильный» с точки зрения сложного самосознания ответ на вопрос о том, кто же она такая. Девочка сначала сказала, что она из Тбилиси, на повторный вопрос, хорошо подумав, ответила, что она грузинка, а когда ей задали тот же вопрос в третий раз, она так и не нашла, что ответить, так что ведущей пришлось с кривой улыбкой сообщить ей, что она ведь советская девочка, она гражданка Советского Союза. Другой пример – москвичка, носитель сложного еврейского самосознания, рассказывает о своих впечатлениях от встречи в 1958 г., когда она была подростком, с литовскими носителями простого еврейского самосознания:

Она (мама. – О. М.) узнала, что существует некий частный пансион, где кормят обедами, и в назначенный час мы вошли в просторную комнату, где пахло так, что голова кружилась. Крутом звучал идиш. Две пожилые женщины разносили еду: румяные блинчики, компот, рыбу. Наконец одна из подавальщиц подошла к нашему столику и обратилась к нам на идише. «Простите, мы не знаем идиша. Мы из Москвы», – объяснила мама. «Из Москвы? Какие же вы евреи? Вы – гоим. Я вам ничего не дам. Это еврейский пансион». «Но принесите хотя бы дочке. Она голодная», – взмолилась мама. Подошла вторая подавальщица и, тихонько посоветовавшись с первой, принесла нам еду. Больше мы туда не ходили [Миллер, 1998, 49].

Согласно интересной классификации Т. Ю. Позняковой [1997], билингвы могут иметь статическую или динамическую модель языковой идентификации. Это означает, что в первом случае они четко противопоставляют «своих» и «чужих», а во втором – предполагают существование промежуточной зоны, в которой принадлежность к «своим» или «чужим» решается в зависимости от нужд момента. Языко-

¹ Такое оно, например, у Н. В. Гоголя, Вахтанга Кикабидзе [см.: Мелик-Карамов, 1997], Григория Померанца [см.: Померанц, 1990; Померанц, 1998, 190–192], народного поэта Башкирии Мустая Карима, ср. строчку его стихотворения «Не русский я, но – россиянин!» [БКСО]. Список легко можно продолжить.

вая идентификация билингов, по Т. Ю. Позняковой, параллельна рассматриваемой нами типологии самосознания, которая, однако, шире, потому что охватывает и монолингов. В свете этой гипотезы подавальщица в еврейском пансионе является носителем не только простого самосознания, но и совпадающей с ним статической языковой идентификации, что предопределяет оценку ее русскоязычных московских собеседников как «чужаков».

Следующий пример ясно показывает подчинение критерия национальности критерию гражданства для тех, у кого самосознание сложное, при этом существование самостоятельного государства даже в прошлом может сыграть роль для признания права быть другим, отдельным от своего «я»:

Всех выходцев из России, проживавших в Китае, я долгое время считал русскими. Даже поляков.

– Польша теперь независимое государство, – разъясняла мама мое заблуждение.

– В городе есть польская школа, костел. Интересы поляков защищает польское консульство.

Поляки не русские. <...>

– А у литовцев консульство есть? – спрашивал я у матери, вспоминая соученика по фамилии Матулис. <...>

– Есть и у литовцев, – отвечала мама.

– У латышей и эстонцев – тоже. Раньше они были поданными Российской империи, а теперь самостоятельные.

Я недоумевал, когда слышал, как армяне называли себя армянами, а грузины – грузинами, и спрашивал маму:

– А у армян и грузин есть консульства?

– Нет. Армения и Грузия входят в состав Советского Союза.

Моя голова шла кругом. Почему же они не русские, если входят в состав Советского Союза? Впрочем, с тем, что армяне – это армяне, а грузины – это грузины, я примирился, когда узнал, что у них была своя история, отличная от нашей, свои цари и полководцы. Но вот с тем, что некоторые малороссы называли себя украинцами, а не русскими, примириться не мог. Общая история, общая вера, даже язык почти общий, а народы разные. Чепуха какая-то, думал я. Выходит, и Тарас Бульба не русский? И сын его Остап? И Колька-маленький? И Приходько – тот самый, которого называли «важной птицей», а потом арестовали и выслали в Советскую Россию? [Абросимов, 1990, 326–327].

Детское приравнивание «своих» к русским в этом случае опровергается взрослыми. Имперское сознание также считает «своих» в многонациональном государстве русскими и таким образом навязывает меньшинствам самосознание русских.

Более сложны случаи, когда речь идет о группах, занимающих заведомо неравноправное положение в обществе. Так, антисемитизм, по-видимому, может сосуществовать и простому, и сложному самосознанию. Толкование следующего диалога еврея с русским, для которого российские евреи не являются россиянами⁶, зависит от того, как в данном случае употреблено слово *россиянин*: как синоним слова *русский* или же словосочетания *гражданин России*. Диалог происходит после совместного прослушивания антисемитской песни:

Ефим Михайлович Долин, засмутившись, покашливает и, чтобы разрядить неловкость, первым аплодирует за столиком.

⁶ «Русскоязычный нееврей – есть и такая формула русскости» [Топоров, 1999, 368].

— Все же, господа, — говорит он, — я, иудей, признаю справедливость в дележе нашего племени на евреев и жидов. Всякие Троцкие и Керенские — чем не жидоморды?! А кто посмеет сказать о господине Абрамовиче что-либо кроме как: еврей?

— Я, — смеется Ванюшин. — Дерьмо ваш Абрамович! Сам кашу заваривал, а теперь всем за границей в жилетку плачет. Дрэк! И ты, Фима, сволочь. Пусть бы при мне кто посмел про россиянина хоть словечко обидное сказать! Я б немедленно глотку перегрыз. А ты изгиляешься перед нами, своих соплеменников продаешь, хуже любого черносотенца. Так себя ведут потаскухи [Семенов, 1973, 70].

Высказывание Ефима Долина подчиняется практике, распространенной в группах, принадлежность к которым считается в обществе предосудительной. Согласно наблюдениям Э. Гофманна, член такой группы может попытаться классифицировать других членов своей группы в зависимости от присутствия у них тех черт, которые, на взгляд общества, и являются причиной гонений на данную группу. После этого он может перенести отношение «нормальных» членов общества к себе на наиболее заметных носителей этих черт [см.: Gofmann, 1963, 107]⁷. Со стороны же «нормальных» членов общества возможен ряд реакций на заклеянную группу, заметное место среди которых занимает фигура умолчания:

В нашем обширном, сообща живущем семействе был ряд узаконенных формул восхищения теткой, не знаю только вот, в виде какого коэффициента вводились в них анкетные данные — возраст, пол, семейное положение и национальность. Конечно, наше семейство было слишком интеллигентно, чтобы опускаться до уровня отдела кадров. О таких вещах никогда не говорилось, а — *зналось*. Она была ние всегда говорит за себя: молчание говорило, что об этих вещах не говорилось, а — *зналось*. Она была на пятнадцать лет старше дядки, у них не было детей, и она была еврейкой. Для меня, ребенка, подростка, юноши, у нее не было ни пола, ни возраста, ни национальности; в то время как у всех других родственников эти вещи были [Битов, 1998, 322].

Неравноправные отношения между национальностями, особенно в многонациональном обществе, часто становились объектом изучения, в том числе и с языковой точки зрения⁸. Для целей же этого исследования важно учитывать, что определяющим для типа самосознания является не отношение говорящего к определенным группам, каким бы оно ни было, а иерархия национальности, языка и гражданства в его картине мира. С другой стороны, членство в заклеянной группе может заставлять проверять на прочность собственную приверженность к сложному национальному самосознанию:

А вот что касается национальности, то отношение к ней, мне кажется, было больным его [Пастернака. — О. М.] местом. Не то, чтобы он ее стеснялся — этого не было. Но, являясь по духу глубоко русским поэтом, он терялся и не знал, что делать и что говорить, когда оказывалось, что его еврейское происхождение никогда не забывают и никогда не прощают [Ивинская, 1978, 151].

⁷ Яркие примеры описанного поведения приведены у Померанца [1998, 100] и В. Топорова [1999, 325–331]. Ср.: «Я за евреев, но против жидов», — такое можно порой услышать и от самих евреев. А что такое жид? Еврей в те минуты, когда он забывает о своей еврейской личности, когда ведет себя так, словно она отсутствует напрочь» [Топоров, 1999, 338].

⁸ См.: [Lukens, 1978; van Dijk, 1984; 1985; Greenberg, Kirkland, Pyszczyński, 1988; Quasthoff, 1989; Dougherty, 1991; Winkler, 1994]; есть и специализированный журнал, уделяющий много места этой проблематике, — «Maledicta, The International Journal of Verbal Aggression» (издается с 1977 г.).

Хотя имперское сознание, русофильство, русофобия и аналогичные отношения к другим народам представляют собой явления иного порядка, они часто проявляются одновременно с типологией национального самосознания. Поэтому с их присутствием, мешающим «чистоте эксперимента», приходится мириться.

Рассматривая взаимосвязь между типами национального самосознания и употреблением ЕСПЭ носителями противоположных типов, прежде всего отметим, что эта взаимосвязь имеет количественное и качественное измерения.

В количественном плане теоретически можно предположить, что ЕСПЭ чаще встречаются в речи носителей простого самосознания, так как национальность для них – характеристика более высокого ранга, чем у носителей сложного самосознания и, следовательно, в интерпретации происходящих событий должна обладать большей объясняющей силой. Кроме того, границы группы сами по себе представляют ценность для носителей простого самосознания, поэтому должны чаще обсуждаться. Мои попытки интервьюировать россиян – носителей сложного самосознания по национальным проблемам косвенно подтверждают это предположение. Осмысленного разговора у нас не получалось, поскольку моим собеседникам тема была совершенно неинтересна и они все время уклонялись в сторону вопросов, которые казались им более важными. В правдоподобности высказанного предположения убеждают и результаты исследования А. Д. Дуличенко, позволяющие видеть статистику употребления этнонимов *русский* и *россиянин*, а также родственных с ними слов в российской прессе 1992 г. См. график на рис. 1 построенный на материалах исследования А. Д. Дуличенко [1994, 210–220].

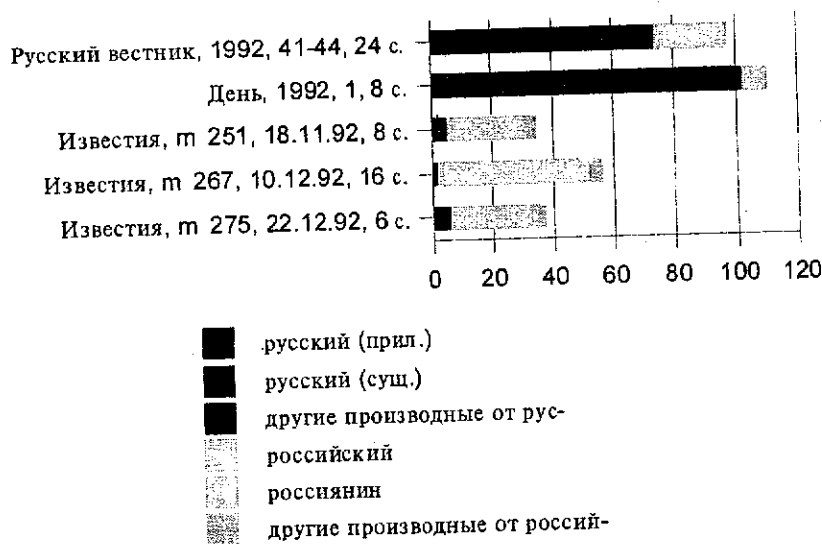

Рис. 1.

Так как в отличие от большинства других этнонимов, которые могут использоваться двояко, *русский* и *россиянин* специализировались для обозначения национальности, а также языка и, соответственно, национальности, подчиненной

гражданству (т. е. примерно так же, как *English* 'английский' и *British* 'британский'), предпочтение одного из этих терминов может служить статистическим знаком простого или сложного национального самосознания. Само существование слова *россиянин*, функционирующего так же, как аналогичные *Canadian* 'канадец (-ка)', *American* 'американец (-ка)', *Österreicher* 'австриец', доказывает существование общности, принадлежность к которой не определяется по этническим признакам, ср. удивившее меня своим заголовком *Die neue Österreicherin* «Новая австрийка» сообщение в австрийских газетах о болгарской оперной певице, только что принявшей австрийское гражданство, при полной невозможности словосочетания **новата българка* (но ср. *новые россияне* ~ *новые русские*).

Как и следовало ожидать на основании описанной типологии, проправительственная российская пресса, поддерживающая сложное национальное самосознание, не только предпочитает образования от основы *россий-* (они составляют около 90 % общего числа слов с основами *рус-* и *россий-*), но и вообще в примерно одинаковом объеме текста (30 газетных страниц) использует лишь чуть меньше двух третьих (61,35 %) того количества слов от основ *рус-* и *россий-*, которые употребляются в оппозиционной прессе. Имея в виду националистическую направленность последней, что предполагает приверженность к простому национально-самосознанию, не следует удивляться тому, что оппозиционная пресса отдает предпочтение словам с основой *рус-* (их более 85 %).

Гораздо больший интерес для освещения связи между картиной мира и языком представляют качественные отличия в употреблении ЕСПЭ носителями двух типов самосознания. Перед тем как их определить, необходимо ответить на следующие вопросы: Что такое семантическое поле этнонимии и какими грамматическими категориями оно представлено в словаре? Для чего вообще люди используют ЕСПЭ? Какие функции ЕСПЭ выполняют в речи?

2. В характеристике семантического поля этнонимии оттолкнемся от прототипических этнонимов – имен существительных, представляющих собой «названия лиц по национальной или государственной принадлежности» [Ковалев 1991, 5]: *татарин*, *эстонка*, *казашенок* и т. п. К ним примыкают названия по регионам большего или меньшего по сравнению с государством размера: *азиат*, *кавказец*, *сибиряк*, – а также оценочные этнонимы: *азер*, *русак*, *совок*, *ходя*, *хохол*, *чурка*, *чухонец*, *чучмек* и др.

В пределах поля этнонимы этого типа связаны отношениями деривации со следующими классами слов:

- 1) существительными собирательного значения, обозначающими этническую группу, а часто также и территорию, населенную этой группой (*Русь* > *русский*);
- 2) отвлеченными существительными, обозначающими признаки и свойства (*еврей* > *еврейство*, *русский* > *русскость*, *цыган* > *цыганицина*);
- 3) прилагательными (*американец* ~ *американский*, *калмык* > *калмыковатый*);
- 4) наречиями способа действия (*француз* > *по-французски*);
- 5) глаголами (*русский* ~ *обрусеть*).

Как этнонимы, так и их дериваты участвуют в устойчивых словосочетаниях, например *английская булавка, новые русские, дважды еврей Советского Союза* 'резидент: человек, уехавший на постоянное жительство в Израиль, а потом вернувшийся в Россию или другую республику бывшего СССР' [Юганов, Юганова, 1997, 66]⁹. У таких слов могут появляться новые значения, связанные с запомнившимся участием этнической группы в каких-либо событиях, ср. *варяг* 'руководитель, который назначен вышестоящим органом и который не был до момента назначения членом возглавляемого им коллектива' [Там же, 41]. Наконец, для обозначения лиц по национальному признаку могут использоваться и разного рода описательные выражения (например *пан* по отношению к поляку, *белокурая бестия* к немцу, *чернозадый*¹⁰ или *носатый кепчоник*¹¹ к южанину неславянского происхождения, *носатый брюнет*¹² к еврею, *косоглазый* к азиату и т. д.). Все эти слова и выражения вместе взятые образуют семантическое поле этнонимии, у которого есть свой центр (стилистически нейтральные прототипические этнонимы) и все более удаляющаяся от него периферия.

Семантическое поле этнонимии организовано вокруг таких классификаторов, как *национальность, происхождение, кровь, род, племя, народ; земляк, соотечественник, иностранец, инородец / нацмен, полукровка*, которые относятся к членам поля примерно так же, как местоимения к полнозначным частям речи¹³ и позволяют не только заменять отдельные ЕСПЭ более общими категориями (*англичанка, немка, француженка ~ иностранка*), но и образуют фразеологизмы (например, *без роду и племени*) и служат стержнем таких аналитических выражений, как *мексиканка смешанной крови, немолодой циркач смутной крови, молодые люди чистой кастильской крови* или пресловутые *лицо кавказской (еврейской) национальности* и по той же модели шутивное *лицо славянской национальности*¹⁴. К семантическому полю примыкают также такие специализированные и общие семантические операторы [Lakoff, 1973; Арутюно-

⁹ Этнонимы в устойчивых сравнениях и их роль для создания этноцентрической картины мира рассматриваются Ю. Лихтенберг [1994].

¹⁰ «Я уже не говорю о том, что нельзя называть людей – «нацмен», «черножопый», «лицо кавказской национальности». <...> Тем более нельзя забывать, что, когда началась Отечественная война, эти люди, с акцентом, без акцента, чернозлые или какие еще, все они головы сложили ради этой огромной страны. Мой отец погиб под Керчью в 42-м» [Мелик-Карамов, 1997, 36].

¹¹ «Ну нравится всяким носатым кепчоникам трепаться, так уматывали бы в Тифлис и трепались» [forums.ng.ru/cis/].

¹² «Его затуманенный взор остановился на Жене, и он коснулся табуированной темы ее научного руководителя: – Вот опять носатые брюнеты русскую девушку одурачили! Он будет процветать в своем Иерусалиме, а про любимую ученицу и не вспомнит. До чего же мы все-таки доверчивый народ... – В тебе я особой доверчивости что-то не замечал! – сердито оборвал его Саша» [Новикова, 2000, 184].

¹³ Ср.: *он ~ человек, такой ~ красный, который ~ второй, столько ~ пять, как ~ быстро*, сюда же относятся болгарские непереводимые глаголы *таковам < така 'так, этим способом' и онаковам < онака 'тем способом', буквально 'делать тем или иным способом', заменяющие в речи любой глагол, который говорящий не может вспомнить в данный момент или не хочет упомянуть по эвфемистическим причинам.*

¹⁴ Об аналитических структурах с десемантизируемыми элементами см.: [Гак, 1965].

ва, 1999, 830-846], как *коренной, чистокровный, чистопородный, дальше некуда, пробу ставить некуда и, соответственно, настоящий, липовый*, при помощи которых говорящие характеризуют степень принадлежности субъекта к классу.

В силу подчеркнутого интереса носителей простого самосознания к проблемам национальности можно ожидать, что семантическое поле этнонимии будет у них представлено большим количеством членов — как в центре, так и на периферии поля, тогда как у носителей сложного самосознания центр будет заметнее периферии.

3. Предварительным условием для использования ЕСПЭ в речи является их существование в языке, т. е. если слово используется носителями языка, значит, в какой-то момент оно было создано актом языковой номинации из элементов, которыми его создатели располагали. Процесс языковой номинации можно изучать, анализируя этимологию, морфологическую структуру и семантику соответствующего термина¹⁵. Говоря о процессах, состояниях, событиях и свойствах, об их субъектах или объектах, носители языка используют имеющийся у них запас слов. Этот аспект коммуникативного процесса называется речевой номинацией или дескрипцией [см.: Серебренников, Уфимцева, 1977, 3; Арутюнова, 1999, 95]. Говорящий не обязан выбрать именно ЕСПЭ, потому что он всегда располагает альтернативными языковыми средствами. Если он это все-таки делает, то у него должны быть на это причины. Употребление ЕСПЭ может быть вызвано исключительно содержанием сообщения (как в примере 1, где информативная ценность ЕСПЭ не выходит за рамки самого сообщения), но может учитывать и особенности участников коммуникативного акта, и эта вторая группа употреблений, как мы увидим в дальнейшем, имеет большее значение для нас.

(1) Георгий, *грузин-полукровка* из Абхазии, приехал в Москву к *русской бабушке*, днем пек лаваш на Бутырском базаре с *дядей по грузинской линии*, вечером ездил в университет слушать лекции с вечерниками, хотя со всеми этими военными делами на его родине у него даже аттестата не было [Щербакова, 1999, 420].

То, что Георгий — *грузин-полукровка*, ставит в перспективу русскую бабушку, наличие которой в свою очередь объясняет читателю, почему он приехал именно в Москву, а возможность зарабатывать выпечкой лаваша на Бутырском базаре объясняется как его предполагаемой компетентностью в этом (он ведь *грузин-полукровка*), так и помощью одинаково компетентного грузинского родственника, устроившегося там ранее. Без этих трех ЕСПЭ пример 1 был бы менее информативен относительно мотиваций и действий всех участников. Их присутствие, однако, не дает понять, какой человек говорит об этом и какое у него отношение к референтам и их поведению.

В зависимости от своего категориального значения ЕСПЭ подразделяются на соотнесенные и не соотнесенные с лицами, ср., например, личное категориальное значение прилагательного в словосочетании *ев-*

¹⁵ Примером исследования языковой номинации этнонимов является работа Г. Ф. Ковалева [1991], где можно найти дальнейшую библиографию.

рейские беды и обиды 'беды и обиды евреев' и неличное в чешское пиво 'пиво, произведенное в Чехии'. Эту классификацию можно в принципе проводить на уровне словосочетания. Тем не менее употребление в контексте — как у личного ЕСПЭ *мексиканец* в примере 2 — может противоречить ожиданиям, возникшим на основе словарной дефиниции.

(2) Ананас был *мексиканцем*, и в его запахе не было ничего советского [Евтушенко, 1998, 110].

ЕСПЭ участвуют в высказываниях в именных и глагольных синтагмах самой разнообразной структуры: *президентский повар-китаец, муж-оркестрант из армян, русский по паспорту, настоящий грузинский мужчина, многодетный отец явно еврейской наружности, иудейская выдержка, армянский Аверинцев, развод по-итальянски, считать себя украинкой, податься в евреи* и т. д.¹⁶

ЕСПЭ может выполнять в синтагмах различные функции. В именных синтагмах, например, ЕСПЭ может быть определяемым — именем существительным, являющимся стержнем словосочетания (ср. *грузин-полукровка из Абхазии* в примере 1) или определением — атрибутивным приложением (как *хозяин-немец* в примере 3), рестриктивным прилагательным, суживающим объем определяемого имени, в результате чего синтагма в целом играет роль составной номинации (ср. *русские люди* в примере 4) или атрибутивным прилагательным, придающим определяемому дополнительную этническую характеристику (ср. *татарская дворничиха* в примере 5).

(3) Дядя Жора был во время войны в плену в Германии, а потом ездил с его *хозяином-немцем* во Францию [Лимонов, 1998, 173].

(4) Они разговаривали уже давно, несколько битых часов, как разговаривают одни только *русские люди* в России, как в особенности разговаривали те утраченные и тосковавшие и те бешеные и иступленные, какими были в ней тогда все люди [Пастернак, 1986, 532].

(5) Так вот, в одной квартире с сыном Раи Зыбиной окажется живущей *татарская дворничиха* с мужем и ребенком [Лимонов, 1998, 32].

Можно предположить, что атрибутивное использование ЕСПЭ будет в большей степени свойственно речи носителей простого национального самосознания, потому что, привнося в речь этническую характеристику как дополнительную, атрибутивный ЕСПЭ будет восприниматься как информативно более ценный и, следовательно, оправданный именно с точки зрения носителей простого национального самосознания.

Совокупность синтагм, содержащих ЕСПЭ, можно классифицировать в зависимости от того, предметное у них значение или признаковое. Глагольные синтагмы специализируются на признаковом значении, но большинство именных могут использоваться в речи в обоих значениях, ср., например, признаковое *подлинный российский интеллигент* и предметное *российский интеллигент* в примерах 6 и 7:

¹⁶ В анализируемых текстах синтагмы отмечаются курсивом, а ЕСПЭ в их составе — если они поддаются идентификации — жирным шрифтом.

(6) И в этом он (Булат Окуджава. — О. М.) был *подлинным российским интеллигентом*, камертоном чести, нравственности в наше безнравственное время, но главное, я повторяю, это было то «чуть-чуть», та нота поэзии, которая, как известно, выше нравственности [Вознесенский, 1998, 147].

(7) Еще в самом начале века замечательно заметил кто-то, что *российский интеллигент*, если повезет ему пробыть неделю в полицейском участке, то при первой же возможности он пишет большую книгу о перенесенных им страданиях [Губерман].

Референтами синтагм предметного значения могут быть лица или предметы (OR), ср. личную синтагму *плод цыганско-еврейской любви* и неличную *нос по-русски картошкой*. Следует разграничивать референта синтагмы предметного значения от категориального значения ЕСПЭ. Личный референт может сочетаться с неличным категориальным значением ЕСПЭ (*российский интеллигент*) и наоборот (*ножик швейцарского офицера*). Референтом личной именной синтагмы могут быть индивиды (IR) или целые группы (GR), при этом на шкале между двумя полюсами от наименьшей к наибольшей конкретности будут расположены в порядке нарастающей конкретности следующие типы именных синтагм, индексруемые цифрами от 1 до 4:

- типизирующие синтагмы, отсылающие к эталонному представителю класса (пример 8);
- генерические синтагмы, обозначающие класс; бывают двух видов — единственного и множественного числа (примеры 9 и 10);
- неопределенные синтагмы, относящиеся к любому члену данного класса, отвечающему требованиям контекста (пример 11);
- конкретные синтагмы, т. е. имеющие конкретный референт (пример 12).

(8) Впрочем, Рафинад не очень был похож на *еврея*, гены бывшей солистки Ленконцерта оказались сильнее наследственности папаша стоматолога [Штемлер, 1994, 10].

(9) И даже ведомый ложной, с точки зрения современности (на 1987 год), идеей национал-социализма, *немец*, дрался как зверь [Лимонов, 1998, 35];

(10) Во время войны, как множество других советских детей, я, конечно же, ненавидел *немцев*, однако моя не совсем благозвучная фамилия *Гангнус* порождала не только шутки, но и немало недобрых подозрений — не немец ли я сам [Евтушенко, 1998, 39].

(11) Ограничили прием *евреев*, в высшие учебные заведения, преградили пути в государственный, партийный и военный аппараты [Рыбаков, 1997, 229].

(12) *Эта англичанка*, уничтожала пирожки с таким русским удовольствием, и сквозь дыру одной из штанин ее продранных джинсов выглядывал красный от холода кусочек ее молодой, веснушчатой, обсыпанной золотыми волосками ноги, не побоявшейся ступить на русскую, полную опасных ям землю, где так легко оступиться [Евтушенко, 1998, 111].

Особый интерес для нас представляют и попытки овеществить класс и представить его как конкретный референт (ср. примеры 13 и 14), обозначая его сущительным собирательным, так как можно предположить, что они будут характеризовать в большей степени речь носителей простого самосознания из-за их большего интереса к этническим группам по сравнению с носителями сложного самосознания.

(13) Но вы-то лучше меня знаете, что *Россия*, ходила не в лаптях. *Россия*, ходила в сапогах, прочных, смазанных дегтем, а то и хромовых [Солоухин, 1995, 230].

(14) Что точно так же, как взрыв Храма Спасителя явился апогеем и символом разрушения и насилия, высшей степенью унижения *русского народа*, точно так же его возрождение на старом месте явится возрождением, воскресением России [Там же, 131].

За синтагмами признакового значения сохраняется термин «типизирующие синтагмы», потому что они приписывают субъекту признаки, характерные для класса как типа, ср. в примере 15 *выцыганил*, т. е. выпросил, как это сделал бы эталонный представитель *цыган*:

(15) На следующий день я пошел к моему лондонскому издателю, *выцыганил*, у него аванс за книгу фотографий и купил моей жене норковое манто [Евтушенко, 1998, 121].

Те же четыре значения – типизирующее N_1 (*русская кровь* = *кровь русского человека*, в примере 16 и *русское удовольствие* = *удовольствие русского человека*, в 12), генерическое N_2 (*по старому русскому обычаю* = *по старому обычаю русских*, в 17 и *русская земля* = *земля русских*, в 12), неопределенное N_3 (*русская кровушка* = *кровь русских*, в 18) и конкретное N_4 (*фрицевский портфель* = *портфель фрицев*, в 19) – могут характеризовать ЕСПЭ личного категориального значения, принадлежащие не к именам существительным, а к другим частям речи¹⁷.

(16) У тебя бьется пульс. В тебе струится *русская*, *кровь* [Солоухин, 1995, 350].

(17) Тогда давайте выпьем за это <...>. Но чтобы это исполнилось, *по старому русскому*, *обычаю* бокалы до дна, а потом об пол... [Евтушенко, 1998, 322].

(18) В первые годы советской власти он (Металлов. – О. М.) возглавлял ЧК в Воронеже. Эх, и попил же *русской*, *кровушки*! [Солоухин, 1995, 178].

(19) В 1944-м, выйдя со своим взводом разведчиков прогуляться в тыл врага, уже на территории Польши, лейтенант Кузьякин перерезал горла паре фрицев-офицеров, путешествующих небрежно без охраны. И, прихватив *фрицевский*, *портфель*, свалил обратно к своим через линию фронта [Лимонов, 1998, 73].

¹⁷ При этом самым широким спектром, равным спектру имен существительных – прототипических этнонимов, обладают имена прилагательные, хотя конкретное значение N_4 встречается заметно реже, чем другие. У притяжательных прилагательных, образованных от личных имен и родственных названий, значение N_4 имеет свое формальное выражение, ср. *отцов* в отличие от *отцовский* [см.: Nørgård-Sørensen, 2002, со ссылками на более раннюю литературу]. Следы значения N_4 можно, хотя и чрезвычайно редко, обнаружить и у относительных прилагательных. Вот один пример, который вне контекста воспринимался бы как имеющий значение N_4 , а в контексте не исключает интерпретацию как N_3 : *американское предложение* = *предложение, сделанное американцем/американцами*, – «Горы немытой посуды и кучи раскрытых книг окончательно убедили американца, что он имеет дело с гением, и он незамедлительно сделал ему (Алику. – О. М.) предложение – перейти к нему на работу. Boston, MIT. <...> *Американское*, *предложение* значило для него (Алика. – О. М.), что эффективность его работы возрастет» [Улицкая, 1999, 207]. Среди отвлеченных существительных и наречий в материалах, проанализированных мною, попадаются только более абстрактные N_2 и N_3 , а среди глаголов, которых в семантическом поле меньше всего, – лишь наиболее абстрактное N_1 . Эта любопытная грамматико-семантическая закономерность заслуживает дальнейшего рассмотрения на лексически неограниченном материале.

Позволяя плавно переходить с более конкретного на менее конкретное (как в примере 20) и наоборот, полисемия ЕСПЭ является краеугольным камнем для строительства и в то же время выражения самосознания в речи.

(20) В-четвертых, победа произошла еще и потому, что тоже ведь, кроме большей части командиров почти всех комиссаров, солдатики-то, то бишь бойцы, были *русские*, Воевать *русские*, умеют, это известно всем издавна [Солоухин, 1995, 147].

Можно даже привести и неслучайные с этой точки зрения двусмысленные примеры (см. 21), показывающие речевой механизм, при помощи которого незаметно для самих говорящих делается переход от частного к общему. Так придается конкретность абстракции класса, что должно больше соответствовать нуждам простого самосознания.

(21) Витька Косой <...> рассказал, что <...> он и еще двое ребят грабнули *азербайджанцев*, сев с ними в поезд, идущий в Баку. Чемодан денег взяли. Косой смеялся и говорил, что дело было не очень опасное, потому что в милицию заявлять *азербайджанцы*, все равно не пошли бы: мандарины, которые они продают как колхозные, на самом деле частные, и такие деньги, как есть у *азербайджанцев*, у нас в Союзе иметь не разрешается [Лимонов, 1998, 173].

Посмотрим теперь, в каких условиях функционируют в речи синтагмы, содержащие референтные и нереферентные ЕСПЭ. С точки зрения актуального членения предложения, введенного в научный оборот Пражской лингвистической школой, высказывания делятся на тему (данное) и рему (новая информация), между которыми иногда есть переходная зона. Синтагмы, содержащие ЕСПЭ, могут присутствовать во всех трех зонах высказывания, и их местоположение значимо. Высказывания являются частью монологов или диалогов, которые построены из блоков, принадлежащих одному из пяти основных коммуникативных регистров речи. Стержнем каждого отдельного блока является предикат. Три регистра (репродуктивный, информативный и генеритивный) участвуют как в монологических, так и в диалогических текстах, а два другие (волеитивный и реактивный) — лишь в диалогических [см.: Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, 29–35, 393–400].

В репродуктивном регистре говорящие представляют факты, которые они воспринимают своими пятью органами чувств, ср. примеры 12 и 22. Репродуктивный регистр не мог бы существовать без ссылки на конкретных референтов, хотя и другие типы референтов не исключаются.

(22) Ведущий, милейший парень Витторио Кавал, артист и поэт, плеснул на свое лицо *цыгана*, минеральной водой прямо из бутылки, освежился, сконцентрировался и яростно прочитал *по-итальянски*, отрывок из поэмы Исаева «Суд памяти» [Евтушенко, 1998, 354].

В информативном регистре можно говорить о фактах привычных, повторяющихся, которые известны из опыта (ср. примеры 7, 11 и 23), или о фактах, смысл которых был постигнут размышлением (примеры 8, 14 и 24). Самым необходимым для этого регистра типом референта является неопределенный референт.

(23) Я рос в семье, где никогда не слышал *еврейских анекдотов*, за исключением тех случаев, когда их рассказывали *машины приятели-евреи*, любившие подшучивать сами над собой [Евтушенко, 1998, 432].

(24) Только странный запах все время ощущался в комнате, тревожный и раздражающий. «Евреями пахнет», — решила Колыванова, которая знала, что они каким-то нехорошим образом отличаются от других людей. Это был запах камфары, который пропитал квартиру со времен болезни Лилиного деда [Улицкая, 1999, 421].

Генеритивный регистр служит для выражения обобщений, действительных для целых классов природных или общественных явлений, ср. пример 25. Чаще всего здесь встречаются генерические и типизирующие синтагмы.

(25) Во всех нас, советских, есть какая-то скованность. Даже когда мы бываем развязны и хамоваты, — это от нашей скованности. Если нас одеть во все от Сен-Лорана или Кристиана Диора, мы все равно узнаваемы... [Евтушенко, 1998, 119].

Обобщения генеритивного регистра вырастают на основе умозрительных заключений информативного регистра, которые, в свою очередь, построены на многократном чувственном восприятии фактов. Это видно из следующего фрагмента, объединяющего наблюдения говорящего, приписавшего национальную принадлежность физиономии и фамилии референта, со стереотипной характеристикой всей группы, аргументированной свойствами одного ее представителя.

(26) Евреи, хорошо знают про любовь. У нас в классе был такой... Смотри-ка, даже фамилию забыла! Я там полгода училась всего, потому что учительницу из цветочной вазы облила — за дело, между прочим, она меня оскорбила лично. Сапаловский, что ли? Или Солоповский... Причем, на морду, вроде, русский, а фамилия еврейская. У них бывает. Он в меня сразу влюбился, урод, в меня уроды с первого взгляда влюбляются, — и стихи записками присылал [Слаповский, 1997, 196–197].

Умение приписывать национальность на глаз и на слух с последующим высказыванием выводов в репродуктивном регистре, хотя они по праву должны были принадлежать информативному регистру, обусловлено картиной мира, разной у разных групп. У болгар, например, есть устоявшиеся представления о том, что такое цыганская внешность, которые не соответствуют, насколько я могу судить, аналогичным представлениям в русской картине мира. Читателю-нероссиянину трудно представить, что именно увидел узколицый в лице своего собеседника в примере 27, хотя и понятно, что он мгновенно определил его национальность как татарскую:

(27) — Незванные гости... — участливо начал узколицый молодой, но, взглянув на лицо мужчины в сером, осекся, и стало понятно, что осекся на словах: хуже татарина, [Иг-Смирнов-Охтин, 1994, 55].

Российская способность определять национальность евреев по внешности часто вызывает недоумение и недоверие у людей другой культуры. Ограничимся одним примером из канадской действительности. В 1995 г. на слушании своего дела пожилая беженка еврейского происхождения из России сказала, что она боялась выходить из дома. Канадец, председатель комиссии по делам беженцев, задал стандартный вопрос: как люди узнают, что она еврейка, чтобы подвергнуть ее дискриминации. На ее картинный вопрос «А что, я не похожа?!», сопровождавший-ся смехом, он ответил, пожав плечами, что она как две капли воды похожа на его собственную бабушку, хотя он сам и не из еврейской семьи. Более того, картина мира — величина, переменная во времени [см.: Варбот, 2003] и зависит от социальной принадлежности носителя. Судя по мемуарам, Анна Ахматова могла бы среагировать в описанной выше ситуации так же, как тот канадец:

Стакой же широтой она (Ахматова. — О. М.) относилась и к национальным вопросам. Она была истинной интернационалисткой и говорила мне, что никогда в жизни не умела отличить еврея от русского. «В мое время среди интеллигенции и не было другого воспитания, — рассказывала она. — Вот Иро-ча Пунина вышла замуж за Романа Альбертовича и только потом узнала, что он еврей». — «То есть как?» — изумилась я. — «Ведь его фамилия — Рубинштейн». — «А она не знала, что это еврейская фамилия. Думала, у одного русского фамилия Иванов, у другого — Рубинштейн. Да в мое время только так и было» [Роскина, 1980, 36–37].

Для наших целей важно иметь в виду, что простое самосознание говорящего может вести к более высокой частотности ЕСПЭ в репродуктивном регистре его речи.

В о л ю н т и в н ы й диалогический регистр используется говорящими для того, чтобы побудить своих собеседников произвести какое-то действие (выпить до дна и разбить бокалы в примере 17, найти нужную породу леса в 28 и найти другого человека, который бы подписал опасный документ, и подписать документ на любом языке в примере 29), а р е а к т и в н ы й — для того, чтобы выразить свое отношение к происходящему (как в примере 30, где герой объясняет своей чужеродностью то, что его чуть не пропустили при переключке в очереди). В этих двух регистрах могут функционировать все виды синтагм, описанные выше.

(28) — Ашот, что делать, Ашот, — проговорил Балашов. — Лес нужен.

Ашот задержал корявый палец в отверстии телефонного диска.

— Есть лес, хозяин, — вежливо ответил Ашот. — Только береза и тополь. Для шахты нужны хвойные породы, северные. На той неделе у меня был...

— А еще *армянин*, называется, — пошутил Балашов. — Ваш брат из-под земли достанет, если надо [Штемлер, 1994, 50–51].

(29) «Ангел обвел комнату крупными печальными глазами и остановился на Ашоте.

— И ваша подпись, уважаемый, будет залогом нашего общего дела.

— Почему я?! — заволновался Ашот. — Я посторонний.

— Посторонних тут не бывает. <...>

Крупное лицо Ашота сморщилось, подобно каучуковой маске.

— Я *по-русски*, не знаю, — захрипел Ашот. — Я *по-русски*, не могу. Я *армянин*.

— Подпишите *по-армянски*, — вежливо предложил Ангел. — Мы все — дети дружной семьи народов» [Там же, 54].

(30) Из глубины Апраксина двора периодически доносились вскрики: «Пятнадцать-сорок шесть?!» И в ответ: «Никитин Алексей!» «Пятнадцать-сорок семь!» Пауза... «Есть пятнадцать-сорок семь?» — «Вычеркивай! Нету!» — «Как нету? Вот, я. Ору, не слышите». — «Фамилия?» — «Абульфас Гамидов! А то сразу, вычеркивай! Что, *другой веры*, да? Вычеркивай!» — «Пятнадцать-сорок восемь?!»... [Штемлер, 1994, 61].

Какие именно ф у н к ц и и выполняют этнонимы в качестве речевых номинаций, принадлежащих теме или реме высказывания, сделанного в репродуктивном, информативном, генеритивном, волюнтивном или реактивном регистрах? Рассмотрим только именные и глагольные синтагмы, соотносимые с семантическим полем этнонимии, референтом и соответственно субъектом или объектом которых являются лицо или группа лиц. Согласно Н. Д. Арутюновой, у таких синтагм несколько функций.

Когда говорящий впервые упоминает лицо или предмет, еще неизвестные его собеседнику, они занимают интродуктивную позицию в реме бытийных и иных

предложений [см.: Арутюнова, 1999, 98–100]. Интродуктивная позиция может быть частью репродуктивного или информативного регистров. Говорящий далее ссылается на референта, введенного в текст интродуктивной номинацией, используя идентифицирующую номинацию, которая обычно является частью темы высказывания [см.: Арутюнова 1999, 100–109]. Основной функцией идентифицирующей номинации является однозначная идентификация референта – иными словами, не имело бы смысла обозначать человека этнонимом в позиции идентифицирующей номинации, если все участники события принадлежат к одной национальности. Эта позиция также бывает частью блока репродуктивного или информативного регистра. В примере 31 за этнонимом в позиции интродуктивной номинации следует этноним в идентифицирующей позиции:

(31) Пробовал сержант охотиться на Садовой улице, напротив кинотеатра «Молодежный». Тоже ничего хорошего. Помнится, взял *одного цыгана*, да и не рад был, – откуда ни возьмись, налетел целый табор. Фуражку с головы сбили и унесли, *вместе с тем цыганом* [Шемлер, 1994, 7].

Характерно присутствие неопределенного местоимения *один* в интродуктивной позиции, которому в идентифицирующей позиции соответствует определенное местоимение *тот* в анафорическом употреблении [см.: Арутюнова 1999, 100–101].

Синтагмы в интродуктивной (Ин) и идентифицирующей (Ид) позициях чаще всего обозначают конкретных референтов, но не исключаются и неопределяемые синтагмы, если они тоже обозначают индивидов (ИР), как в примере 32:

(32) Вторым по популярности сюжетом были «*мертвые фрицы*, в развалинах» [Ин]. Легенда о *мертвых фрицах*, в развалинах [Ид] имела множество вариантов, и в некоторых из них фигурировали *вовне живые фрицы*, [Ин], скрывающиеся в развалинах, варящие в котелках супы и набрасывающиеся, обнажив желтые зубы, на одиноко прогуливающегося в развалинах мальчонку. Возможно предположить, что истории о *злых фрицах*, в развалинах [Ид] были сочинены родителями в пропагандных целях, дабы запугать малышня развалинами» [Лимонов, 1998, 67].

В наших материалах не встречаются синтагмы, имеющие группового референта, в позициях [Ин] и [Ид]. Вероятно, это не случайно, так как этнические группы, занимающие место в пространстве говорящего, априори воспринимаются как существующие, т. е. ссылки на них в [Ин] противоречили бы картине мира говорящего. Обозначения этнических групп в этих позициях характеризуют энциклопедические словари или путевые записки, ср.:

(33) **ЦЕЗСКИЕ НАРОДЫ**, [Ин], группа этносов в Рос. Федерации в составе *андо-цезских (андо-дидойских) народов Дагестана*, [Ид]: *цезы*, (дидойцы), [Ин], *гинухцы*, [Ин], *гузибцы*, [Ин], *бежтинцы*, [Ин], *хварины*, [Ин]. Общая числ. *Ц. Н.*, [Ид] (вместе с *андийскими народами*, [Ид]) – 55–60 тыс. чел. (1992, оценка) [НРЭ, 1994, 389].

В образцах же письменной и разговорной речи, которые анализируются в данной работе, все обозначения групповых референтов в каком-то смысле выполняют идентифицирующую функцию, если вообще можно говорить об этой функции, когда речь идет о таком общеизвестном в коммуникативной ситуации говорящего предмете, как этнические группы.

Синтагмы, обозначающие группу (GR), наиболее характерны для информативного и генеритивного регистров. В этой работе к синтагмам, имеющим груп-

пового референта и находящимся в реме высказывания (как, скажем, в примере 34), будет применяться термин «р е м а т и ч е с к а я н о м и н а ц и я» [Re], тогда как термин «т е м а т и ч е с к а я н о м и н а ц и я» [Te] сохраняется за теми синтагмами, которые находятся в теме высказывания (ср. пример 35).

(34) Вон со Святой Руси иноверцев, и евреев, [Re]! [Штемлер, 1994, 10].

(35) Русский человек, [Te] задним умом крепок [Кузьмин, 1989, 212–213].

Очерчивая сферу, относительно которой обобщение действительно, тематическая номинация является компонентом формулировок этнических стереотипов, поскольку служит для обсуждения норм поведения и свойств целых этнических групп, ср. примеры 25, 26, 35 и 36:

(36) В общем-то у них советская власть несколько маскарадная, что ли. Для литовцев, [Te] все же колбаска копченая, угорь, пиво всегда важнее партсобрания, это уж точно [Улицкая, 1999, 44].

Рематическая номинация делает этническую группу фокусом высказывания, и таким образом оба употребления синтагм с групповым референтом способствуют более четкому речевому выделению этнических групп и осознанию их как объединений, единиц с какими-то характерными признаками. Можно ожидать, что носители простого самосознания будут чаще, чем носители сложного самосознания, ссылаться на групповых референтов в тематической и рематической позициях.

Следующий тип – это п р е д и к а т н а я н о м и н а ц и я, при которой грамматическому субъекту приписывается национальность и иногда он одновременно оценивается положительно или отрицательно [см.: Арутюнова, 1999, 109–115]. Национальность может быть представлена как событие (*выцыганить* в примере 15 и *стать обрусевшим поляком* в 40), процесс (*русить* в 37 и *косить под русского* в 38) или – чаще всего – как состояние (*быть подлинным российским интеллигентом* в 6, *быть похожим на еврея* в 8, *быть на морду русским* в 26, *быть армянином* в 29, *окитаться* в 39, *оставаться евреем* в 40, *быть наполовину евреем* в 41) [см.: Зализняк, Шмелев, 1997, 40–41]:

(37) Регина Дубовицкая уже устала ругать актера: «Больше русских слов, или я не буду ставить ва: в программу!» Вот и приходится хохлушке Вере «*русить*», на сцене. Хотя в итоге Данилко все равно съезжает на свой знаменитый сленг [russia.org.ua].

(38) Да, и насчет «косить под россиянина». *Косить* можно *под русского*, а не под россиянина, поскольку последнее есть гражданство, т. е. вещь объективная. А под русского или там еврея косить легче – спросите у любого из тех десятков тысяч русских, выехавших в разное время по израильской визе [forum.msk.ru].

(39) Бронька опустила подбородок в ладони, оттянув вверх щеки. Лицо ее *окиталось*, но не стало некрасивым [Улицкая, 1999, 274].

(40) Через год их пути разошлись еще более кардинально. Младший брат решил укоротить свою фамилию, теперь он подписывался – Данч. Но при этом *оставался евреем*, Старший поступил иначе. Он тоже укоротил свою фамилию, выбросив единственную букву «И». Теперь он подписывался – Данчковский. Зато из еврея *стал обрусевшим поляком*, [Довлатов, 1986, 75].

(41) Кстати, Борина жена, в девичестве – Файнциммер, любила повторять: «Боря выпил столько моей крови, что теперь и он *наполовину еврей*!» [Довлатов, 1986, 94].

Синтагмы, содержащие ЕСПЭ, употребляются в предикатной номинации во всех регистрах – репродуктивном (39), информативном (6, 40 и 41), генеритивном (27), волюнтивном (29) и реактивном (30), при этом предикатная номинация всегда является ремой высказывания.

И, наконец, последний тип, который мы рассмотрим, – это *а п е л л я т и в - н а я н о м и н а ц и я*, при которой синтагма, содержащая ЕСПЭ, используется в качестве обращения к собеседнику, часто выражая и отношение говорящего к нему. Чем яснее выражено это отношение, тем больше шансов, что аппеллятивная номинация переместится из темы высказывания в рему [см.: Арутюнова, 1999, 115–120]. Синтагмы, содержащие ЕСПЭ, довольно редко используются как обращения. Следующий отрывок из дела беженца уйгурско-башкирского происхождения, которое рассматривалось в Канаде в 1992 г., содержит пример такой аппеллятивной номинации в волюнтивном регистре:

(42) Потому что русскоязычное население со всех республик... бывших республик Советского Союза гонят в Россию. Русские в ответ гонят всех нерусских... в свои... ну... говорят: «*нерусские*», убирайтесь».

Иногда номинация более информативна, чем требуется для выполнения ее прямой функции в тексте. Относительно такого употребления идентифицирующей номинации отмечено, что в отличие от обыкновенной идентифицирующей номинации она находится в переходной между темой и ремой зоне и имеет особое отношение к предикату высказывания [см.: Арутюнова 1999, 108] (пример 43).

(43) – Ну что у вас общего, – раздраженно спрашивал он, – не поверю я, что *вы, русская женщина*, [Ид], могли любить по-настоящему *этого старого еврея*, [Ид]; вероятно, какой-то расчет тут был! [Ивинская, 1978, 115].

ЕСПЭ, несущие дополнительную нагрузку, встречаются во всех регистрах. Назовем такое употребление *д в у ф у н к ц и о н а л ь н о й н о м и н а ц и е й*. Двухфункциональная номинация может быть разноплановой: она может, например, состоять в отношении причинности (пример 43) или уступительности к предикату (пример 44).

(44) Екатерина Вторая в своих дневниках писала, что гордость народа, по ее мнению, находится в прямой зависимости от плодородия земли, на которой он проживает. Выходит, *Екатерина Вторая, немка*, [Ид], была первой российской почвенницей [Пряхин, 1995, 63].

Обзор двухфункциональных ЕСПЭ в достаточном корпусе текстов может обрисовать круг существующих представлений о роли национальности – таких, например, как выраженные прямым текстом в следующей цитате:

Во Владикавказе у тети Зины был другой муж, осетин, дядя Юра Цагалов, с устрашающей бородой. <...> Цагалов убил свою первую жену – вместе с любовником – в своем служебном кабинете, но его не посадили, а лишили партбилета и должности, принимая во внимание национальный темперамент и то, что жена использовала служебное помещение и письменный стол не по назначению [Гусаров, 1978, 13–14].

Носители двух типов национального самосознания по-разному используют двухфункциональную номинацию, позволяющую связать национальность референ-

та с его поступками и свойствами или с событиями, участником которых он является. Люди со сложным национальным самосознанием, как правило, реже чем те, у кого оно простое, прибегают к объяснениям событий на основании национальности их участников.

Итак, синтагмы, компонентом которых являются ЕСПЭ, выполняют в высказывании разные функции. В тематической и рематической номинациях они обозначают класс (GR) и сообщают информацию о характерном внешнем виде и поведении, о взглядах и представлениях этнической группы или же изображают ее как участника каких-то событий. В интродуктивной и идентифицирующей номинациях синтагмы относятся к индивидам (IR). В предикатной и апеллятивной номинациях могут находиться синтагмы, содержащие ЕСПЭ и обозначающие как класс, так и индивидов. Тематическая, рематическая, двуфункциональная и предикатная номинации — это связующие звенья картины мира и речи, тогда как остальные типы сильнее зависят от коммуникативной ситуации, что не исключает влияния типа самосознания говорящего на выбор синтагм, содержащих ЕСПЭ. Во всех позициях синтагмы — одновременно с предметным или признаковым значением — могут выражать и оценку. Обозначение предметов (OR) синтагмами, содержащими ЕСПЭ, здесь не учитывается. Однако те из них, которые включают в свой состав ЕСПЭ личного категориального значения, поддаются, как было показано выше, такой же семантической классификации, что и референты индивидуальные и групповые, и будут в дальнейшем при подсчетах причисляться к нереферентным употреблением ЕСПЭ соответствующей категории (N_1-N_4).

4. Для проверки гипотезы, согласно которой носители разных типов национального самосознания по-разному употребляют ЕСПЭ в речи, были проанализированы тексты, написанные двумя авторами, носителями соответственно простого и сложного самосознания: «У нас была великая эпоха» и частично «Подросток Савенко» Э. Лимонова [1998, 15–231, около 65 тыс. слов] и «Медя и ее дети» Л. Улицкой [1999, 9–246, около 62 тыс. слов]. Тексты описывают события, происходящие в многонациональном обществе, что даже при желании сделало бы невозможным полностью избежать употребления ЕСПЭ. Более того, оба автора много размышляли о национальных проблемах и публично выражали свои взгляды. Приведем по одной цитате, подтверждающей приверженность авторов к простому и, соответственно, сложному национальному сознанию:

Вокруг все время говорят: «русские», «мы — русские», «я — русский», «для русских». А под этой этикеткой скрываются самые разные люди. И Ельцин оказывается русский, и сизый алкаш, и грязный бомж, и активный сперматозоид Кириенко. Если они — русские, то я тогда не русский. Что же надо делать? Надо отбирать людей для новой нации. Пусть она будет называться как-то иначе, пусть не русские, но скажем «евразийцы» или «скифы». Не суть важно, но новую нацию надо создавать на других принципах, не по цвету волос или глаз, а по храбрости, верности принадлежности к нашей общине [Лимонов].

Если бы я выбирала себе родину в географическом смысле, я бы выбрала Крым. К тому времени, как я туда начала ездить, 50-е годы, с того времени, видимо, сохранился оттенок некоего этнического рая. Русские, татары, украинцы, греки, болгары, татары, крымчаки, евреи, эстонцы, армяне и многие-многие другие народы. И они очень хорошо уживались, это было хорошее семейное устройство. Это

была та точка, где идеи советского интернационализма легли на хорошую почву. <...> А что касается темы национальности на российской почве сегодня, это просто страшно касаться, потому что это пороховая бочка, впрочем, она во всем мире пороховая бочка. Есть великая римская идея гражданства, идея, которая создала великую Римскую империю, да и все прочие империи. Все многонациональные государства были империями, но это время империй закончилось, и мир сегодня стихийно возвращается к государствам религиозных ценностей, религиозных идей. <...> Спасение может быть только одно – изменение сознания, при котором общечеловеческие ценности будут стоять выше национальных [Улицкая].

Общее количество ЕСПЭ у Лимонова 523, а у Улицкой 284, что, учитывая объем анализируемых текстов каждого автора, означает, что у носителя простого самосознания Лимонова ЕСПЭ встречаются в 1,86 раза чаще, чем у носителя сложного самосознания Улицкой. С выводами А. Д. Дуличенко [1994] совпадает и употребление синтагм с ЕСПЭ от основы *рус-* по отношению к лицам: у Лимонова их 93, а у Улицкой 19. Иными словами, носитель простого самосознания употребляет их в 4,69 раза чаще¹⁸. При этом у Лимонова проявляется тенденция использовать прилагательное *русский* расширительно – как, например, в словосочетаниях *русская мода* 'послевоенная советская мода', *русские барахолки* 'советские барахолки' в связи с *харьковскими барахолками*, *русский фронт* 'восточный фронт во Второй мировой войне и в частности его советская сторона', *русские тряпки* 'тряпки, произведенные в СССР', в отличие от *венгерских тряпок* и т. д.¹⁹. Впечатляет разница в частотности оценки, сопровождающей ЕСПЭ в речи: у Лимонова таких случаев 67, а у Улицкой 2, т. е. их в 32 раза больше у носителя простого самосознания.

Разница между двумя авторами на парадигматическом уровне невелика, хотя и соответствует ожиданиям. У Лимонова встречается 110 разных ЕСПЭ из 61 семьи, каждая из которых включает от 1 до 8 членов, а у Улицкой 94 ЕСПЭ из 51 семьи, в каждой из которых от 1 до 7 членов, при этом 49 % семей, представленных у Лимонова, и 35 % у Улицкой состоят из более чем одного члена. Эти цифры свидетельствуют о более широком – не намного – присутствии периферии семантического поля этнонимии у Лимонова, что подтверждается и тем, что 59 % ЕСПЭ у Лимонова и 63 % у Улицкой принадлежат к центру семантического поля.

Более серьезные различия, обнаруженные на синтагматическом уровне, представлены в таблице. Во второй и третьей колонках указано, сколько раз категория синтагм, обозначенная в первой колонке, встречается в тексте каждого автора, в четвертой – во сколько раз чаще эта категория употребляется носителем простого самосознания Лимоновым по сравнению с носителем сложного самосознания Улицкой на единицу

¹⁸ Синтагмы, содержащие ЕСПЭ от основы *россий-*, не употребляются Лимоновым и Улицкой по отношению к лицам.

¹⁹ Такое расширительное употребление соответствует практике, принятой в послевоенном Харькове, где вырос родившийся в 1943 г. Лимонов: там «все» – и украинцы, и евреи, и русские – считали себя русскими и говорили только по-русски [см.: Лимонов, 1998, 175]. Обратную ситуацию примерно для этого же времени (1953–1956 гг.) описывает Померанц на основании своего учительского опыта в казачьей станице Шкуринской на Кубани, в которой даже коренные русские не говорили по-русски, потому что общественное мнение сопротивлялось этому [см.: Померанц, 1998, 277–278].

анализируемого текста (коэффициент частоты употребления – КЧУ)²⁰. Для обозначения категорий в первой колонке применяются ранее введенные условные знаки и сокращения. Проценты во второй и третьей колонках показывают, какую часть общего количества ЕСПЭ у каждого автора представляют синтагмы данной категории.

Наиболее резко отличаются носители двух типов самосознания те категории, для которых коэффициент частоты у носителя простого самосознания выше среднего (1,86). Наименьшие расхождения наблюдаются в нереперентных употреблениях синтагм, содержащих ЕСПЭ. Даже при выделении предикатной номинации в отдельный подтип N₁ коэффициент частоты ее употребления носителями простого самосознания (1,72) остается ниже среднего по корпусу. Похожий коэффициент (1,75) и у двуфункциональной номинации в речи носителей простого самосознания. В анализируемом тексте встретился единственный пример апеллятивной номинации у Лимонова, принадлежащий, кстати говоря, не авторскому тексту, а цитате. Две категории у Лимонова – неопределенные синтагмы, обозначающие индивидов, и

Синтагмы, содержащие ЕСПЭ	Лимонов		Улицкая		КЧУ
А. Реперентное употребление					
1. Неличный референт OR ²¹	79	15,11 %	48	16,9 %	1,55
2. Личный референт					
2.1. Индивиды					
2.1.1. IR ₃					
а) интродуктивная номинация	18	3,44 %	0	0 %	–
б) идентифицирующая номинация	9	1,72 %	0	0 %	–
2.1.2. IR ₄					
а) интродуктивная номинация	50	9,56 %	36	12,68 %	1,32
б) идентифицирующая номинация	56	10,71 %	16	5,65 %	3,34
2.2. Группа					
2.2.1. GR ₂					
а) рематическая номинация	16	3,06 %	8	2,82 %	1,91
б) тематическая номинация	62	11,85 %	13	4,58 %	4,55
2.2.2. GR ₃					
а) рематическая номинация	20	3,82 %	8	2,82 %	2,38
б) тематическая номинация	39	7,46 %	10	3,52 %	3,72
2.2.3. GR ₄					
а) рематическая номинация	2	0,38 %	0	0 %	–
б) тематическая номинация	16	3,06 %	0	0 %	–

²⁰ КЧУ носителями сложного самосознания принимается за единицу во всех случаях кроме тех, когда какая-то категория вообще не встречается у Улицкой и, соответственно, КЧУ у нее равен нулю, что, в свою очередь, делает невозможным вычислить КЧУ носителем простого самосознания.

²¹ Учитываются только синтагмы, содержащие ЕСПЭ неличного категориального значения.

Синтагмы, содержащие ЕСПЭ	Лимонов		Улицкая		КЧУ
Б. Нереперентное употребление					
1. Типизирующее значение N_1	94	17,97 %	70	24,65 %	1,28
2. Генерическое значение N_2	32	6,12 %	46	16,20 %	0,66
3. Неопределенное значение N_3	28	5,35 %	28	9,86 %	0,95
4. Конкретное значение N_4	1	0,19 %	1	0,35 %	0,95

конкретные синтагмы, обозначающие группы в референтном употреблении (8,8 % общего количества употребленных им ЕСПЭ) не находят параллелей у Улицкой, а остальные встречаются у обоих авторов в похожих пропорциях (разница ни в одном случае не превышает 10,1 %). Здесь, как и на парадигматическом уровне, можно наблюдать некоторое «семейное сходство» между двумя авторами, которое можно объяснить тем, что оба используют заложенные в русском языке возможности сходным образом, как и положено носителям одного и того же языка²². Наибольшие различия проявляются в референтном употреблении личных синтагм. Графики наглядно показывают соотношение между употреблением референтных синтагм в теме (рис. 2) и, соответственно, в реме высказывания (рис. 3).

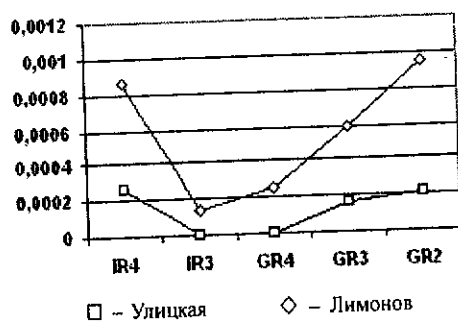

Рис. 2.

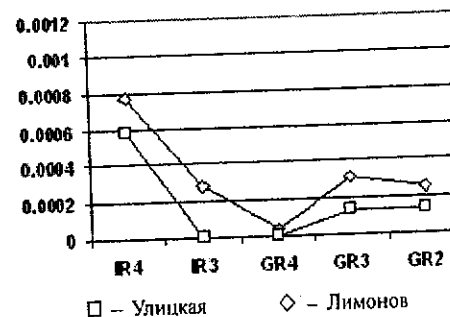

Рис. 3.

Бросается в глаза более значительное расхождение в синтагмах, расположенных в реме высказывания, а также в синтагмах, имеющих групповой референт. В свете предварительно высказанных соображений эти количественные данные следует понимать так: у носителей простого самосознания, считающих этническую принадлежность человека характеристикой более высокого ранга, сильнее выражена тенденция использовать ЕСПЭ в идентифицирующей позиции, т. е. напоминать о национальности референта и после того, как он уже был представлен собеседнику. Кроме того, носители простого самосознания чаще озабочены поступками и свойствами этнических групп как таковых, что предопределено их готов-

²² Пока отсутствуют количественные сведения об употреблении ЕСПЭ в других языках, вопрос о том, не является ли такое употребление культурно-языковой универсалией, ставить преждевременно.

ностью искать и находить закономерности, подтверждающие объективность существования групп, и в то же время способствует еще более четкому разграничению этнических групп в их сознании. Так как для этого лучше, чем формы множественного числа (Pl), приспособлены существительные собирательные (C) и формы единственного числа (Sg), носитель простого самосознания Лимонов прибегает к ним гораздо чаще для обозначения группового референта, чем носитель сложного самосознания Улицкая (см. рис. 4).

ЕСПЭ в роли атрибутивного определения также ведут себя вполне предсказуемо: у Лимонова их насчитывается 23, а у Улицкой 11, т. е. у носителя простого самосознания на единицу текста их в 1,99 раз больше.

Что касается коммуникативных регистров, наименее показательное употребление в информативном регистре; оно же наиболее частое у обоих авторов. Вопреки ожиданиям, авторы используют примерно одинаково и репродуктивный регистр (коэффициенты частоты составляют 0,92 у Лимонова и 1 у Улицкой).

Повышенный интерес к проблемам национальности у носителя простого самосознания Лимонова выражается более широким спектром представленных коммуникативных регистров²³ и многократно большей частотой ЕСПЭ в генеритивном регистре (коэффициент 19,1).

Итак, статистический анализ текстов авторов разного типа самосознания показал, во-первых, что на парадигматическом уровне различия менее значительны, чем на синтагматическом и, во-вторых, что семантическая оппозиция общего и конкретного имеет большее значение, чем актуальное членение предложения, которое, в свою очередь, важнее, чем принадлежность ЕСПЭ к определенным коммуникативным регистрам. При помощи частого использования целого набора разноплановых лингвистических средств, которыми располагают все носители языка (оценочность, ЕСПЭ в роли атрибутивных определений, синтагмы, содержащие ЕСПЭ в идентифицирующей позиции, ссылки на этнические группы как носителей каких-то свойств или участников каких-то событий, обозначение групп не только существительными множественного числа, но и генерического единственного, а также собирательными существительными и, наконец, генеритивный регистр), носители простого самосознания создают в своей речи картину мира, в которой национальная принадлежность показана как характеристика более высокого ранга, чем у носителей сложного самосознания.

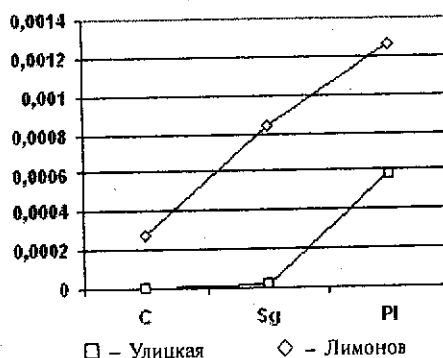

Рис. 4.

²³ У Лимонова представлены все регистры, включая диалогические (волеитивный четыре раза и реактивный один раз), тогда как у Улицкой представлены только репродуктивный и информативный регистры и лишь один раз, в порядке исключения, генеритивный.

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Варбот Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 343–347.
- Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // В. М. Жирмунский, О. П. Суник (ред.) Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. С. 129–142.
- Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. Мюнхен, 1994.
- Зализняк Анна А., Шмелев Алексей Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 1997.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж, 1991.
- Кузьмин С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. М., 1989.
- Лихтенберг Ю. Устойчивые сравнения в диалоге культур (на материале русского, болгарского, немецкого и итальянского языков) // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 85–90.
- Познякова Т. Ю. Национальная и языковая идентификация в языковом сознании билингва // Русский язык как государственный: Материалы междунар. конф. (Челябинск, 5–6 июня 1997 г.). М., 1997. С. 70–74.
- Серебрянников Б. А., Уфимцева А. А. Предисловие // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 3–4.
- Стреляный А. Притязания перебежчика // Континент. 1992. 72/2. С. 187–208.
- Федотов Г. П. Лицо России. Paris, 1967.
- Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997.
- Cohen Ronald. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology // Annual Review of Anthropology. 1978. 7. P. 379–403.
- Dougherty William H. Ethnic Slurs and the Avoidance Thereof // Verbatim. 1991. 17/4. P. 5–7.
- Goffmann Erving. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, N. J., 1963.
- Greenberg Jeff, Kirkland S. L., Pyszcynski Tom. Some Theoretical Notions and Preliminary Research Concerning Derogatory Ethnic Labels // Geneva Smitherman-Donaldson and Teun A. van Dijk (eds.). Discourse and Discrimination. Detroit, 1988. P. 74–92.
- Lakoff George. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. 2. P. 458–508.
- Lukens Janet G. Ethnocentric Speech: Its Nature and Implications // Ethnic Groups. 1978. 2. P. 35–53.
- Nørgård-Sørensen Jens. What Are Possessive Adjectives For? Notes on the Classification and Function of Russian Adjectives // Per Ambrosiani, E. Löfstrand, L. Nordquist and Ewa Teodorowicz-Hellman (eds.). Explorare Necesse Est. Hyllningskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 199–206.
- Quasthoff Uta M. Social Prejudice as a Resource of Power: Towards the Functional Ambivalence of Stereotypes // Ruth Wodak (ed.). Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse. Amsterdam, 1989. P. 181–196.
- van Dijk Teun A. Prejudice in Discourse. An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation. Amsterdam, 1984.
- van Dijk Teun A. Cognitive Situation Models in Discursive Production: The Expression of Ethnic Situations in Prejudiced Discourse // Joseph P. Forgas (ed.). Language and Social Situations. N. Y., 1985. P. 61–79.
- Winkler Andreas. Etnische Schimpfwörter und übertragener Gebrauch von Ethnika // Muttersprache. 1994. 104/4. P. 320–337.

Аб
Би
БКВе
Воз
ГубГус
Дос
Ев
Ив
Иг
Ли
ЛиМе
Ми
Но
НРПа
Па
Па
Пр
Ро
Ры
Са
Се
Сл
Со
То
Ул
УлФе
Ш
Щ

Источники

- Абросимов И. Под чужим небом. М., 1990.
- Битов А. Г. Обоснованная ревность. М., 1998.
- БКСО – Большая картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
- Верка Сердючка города берет. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: russia.org.ua.
- Вознесенский А. На виртуальном ветру. М., 1998.
- Губерман И. Прогулки вокруг барака. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: guberman.narod.ru/rvb/01.htm.
- Гусаров В. Мой папа убил Михозлса. Frankfurt am Main, 1978.
- Довлатов С. Чемодан. Tenaflly, N. Y., 1986.
- Евтушенко Е. Волчий паспорт. М., 1998.
- Ивинская О. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Paris, 1978.
- Иг-Смирнов-Охтин И. Кружится ветер // Нева. 1994. № 11. С. 6–166.
- Лимонов Э. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1998.
- Лимонов Э. Другая Россия. Очертания будущего. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: www.patriotica.ru/authors/limonov.html.
- Меллик-Карамов В. Не горюй, Буба! // Огонек. 1997. № 26. С. 34–38.
- Миллер Л. Сплошные праздники. М., 1998.
- Новикова О. Мужской роман. Женский роман. М., 2000.
- НРЭ – Тишков В. А. (гл. ред.). Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1986.
- Померанц Г. Чувство вечности // Юность. 1990. № 12. С. 66–67.
- Померанц Г. Записки Гадкого утенка. М., 1998.
- Пряхин Г. Мираж. М., 1995.
- Роскина Н. Четыре главы. Paris, 1980.
- Рыбаков А. Роман-воспоминание. М., 1997.
- Салгир Г. Армагедон. М., 1999.
- Семенов Ю. Пароль не нужен // Библиотека героики и приключений. 1973. № 3.
- Слаповский А. Анкета. Из цикла «Общедоступный песенник». СПб., 1997.
- Солоухин В. Последняя ступень. М., 1995.
- Топоров В. Двойное дно. Признания скандалиста. М., 1999.
- Улицкая Л. Лялин дом. М., 1999.
- Улицкая Л. Субботнее интервью на радио Свобода (3 марта 2003 г.). [Электрон. ресурс.] Режим доступа: www.svoboda.org.
- Федотова И. Старая славянская сказка // Рос. газ. 1998. 6 авг.
- Штемлер И. Коммерсанты // Нева. 1994. № 2. С. 7–90.
- Щербакова Г. Love-стория. М., 1999.

* * *

Ольга (Максимовна) Младенова – доктор филологии, доцент Университета Калгари (Канада).